

Меродий
Буслаев

**Читайте в серии о
Мефодии Буслаеве:**

1. Маг Полночи
Свиток Желаний
2. Третий всадник Мрака
Билет на Лысую Гору
3. Мечь валькирий
Тайная магия Депресняка
4. Лёд и пламя Тартара
Первый эйдос
5. Светлые крылья для тёмного стража
Лестница в Эдем
6. Карта хаоса
Ожерелье дриады
7. **Стеклянный страж**
Танец меча
8. Огненные Врата
Книга Семи Дорог
9. Ладья Света
Ошибка грифона
10. Самый лучший враг

Дмитрий Емец

Мефодий Буслаев

Стеклянный страж

Танец меча

МОСКВА 2025

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Иллюстрация на обложке *Анны Афанасьевой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60   **Стеклоанный страж; Танец меча / Дмитрий Емец. —**
Москва : Эксмо, 2025. — 688 с. — (Д. Емец. Мефодий
Буслаев. Легендарное городское фэнтези).

ISBN 978-5-04-186936-6

СТЕКЛЯННЫЙ СТРАЖ

Ситуация действительно сложная. Лучший мечник Мрака должен предоставить голову Мефодия своему начальнику. Если он выполнит приказ Лигула, это повлечёт за собой смерть Мефодия, если же откажется, это поставит под угрозу жизнь Варвары. Да и Меф вновь оказывается в ловушке. Смерть Буслаева может стать ключом к переменам, но пойдёт ли на это Арей?

ТАНЕЦ МЕЧА

Мефодио предстоит непростая задача: он должен опередить тёмных в поисках ножен, чтобы обеспечить себе преимущество в предстоящей битве с Ареем. Если он сумеет заполучить артефакт, его шансы на победу возрастут, особенно с учётом непредсказуемости меча. Сможет ли он предотвратить угрозу и одержать верх над Ареем, если на кону стоит жизнь его учителя?

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186936-6

© Емец Д., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

СТЕКЛЯННЫЙ СТРАЖ

Как только человека перестает радовать живое, он становится мертвым.

Книга Мрака

Свету совсем не обязательно воздавать Мраку злом за зло. Достаточно просто вернуть ему его же собственное зло. Хотя бы десятую часть.

Книга Света

Всякое дело, совершенное с любовью, живет и существует ВЕЧНО. Без исключения. Даже если это просто самолетик, сделанный из бумаги, который упал в пруд и у вас на глазах утонул. Объяснить почему — не умею. Но чувствую, что живет.

Ирка. Дневниковая запись

Глава 1

«РЕКЛАМНЫЙ ВЬЮНОША»

Свет дает все постепенно. Просишь яблоно — получаешь семечко. Прорастишь — вот она, твоя яблона, благодарная твоим рукам и связанная с тобой навеки. Не прорастишь — тогда и взрослое дерево загубил бы, получи его сразу.

Эссиорх

Острое счастье — это когда после новогодней елки стоишь в очереди за подарком, а твоя пятнистая шуба из ненастоящего барана бежит по мозаичному полу пристегнутыми на резинки перчатками. Шлеп-шлеп! — красные перчатки бегут, широко расставляя пальцы. Кажется, что шуба переставляет смешные утиные ноги. Шлеп-шлеп! — бегут утиные ноги счастья.

Автобус остановился, и Меф, несильно боднув лбом стекло, проснулся. Последние дни ему часто снилось детство. Сны всегда были яркие, радостные. После пробуждения они не смазывались, а надолго оставались в памяти. Просто бери кисть и пиши.

Сны приходили к Мефу не только ночью, но и всякий раз, когда он случайно засыпал. Как-то это случилось на ящиках в «Пельмене», куда он присел на пять минут, дожидаясь, пока Маркелов сообразит, почему не запускается лента погрузчика. Не запускалась же она потому,

что между вращавшими ее зубцами Памирджанов хранил свое ведро с дезинфицирующим раствором, которое в любом другом месте моментально переворачивали.

Двери с шипением открылись. Салон засуетился, зашумел и стал опустошаться. Зевая, Буслаев вышел из автобуса.

Пригородный гипермаркет походил на гигантскую коробку. Вокруг застраивался микрорайон. Громадные краны поворачивались медленно и ритмично, как ключики в заводных игрушках.

Меф стоял на асфальтовом поле, расчерченном на множество одинаковых клеток. Это были бесконечные парковки, отгороженные друг от друга рядами молодых одновозрастных березок. Вид березки имели солдатский и весьма бравый.

Меф уже с месяц собирался купить удобную сумку через плечо и подарок матери на день рождения, и вот сегодня все к этому располагало. Кроме зарплаты выдали неожиданную надбавку, и получилось, что жизнь отрезала щедрый ломоть бытового счастья.

Дафны с Мефом не было. Хотя Буслаев и просил, чтобы их всегда ставили вместе, смены регулярно «разъезжались». Сегодня Даф работала в «Пельмене», где вокруг наверняка приплясывал назойливый Памирджанов, для которого слово «нет» было бессмысленным сочетанием трех не вошедших в алфавит букв. Зато когда смены Мефа и Памирджанова совпадали, Памирджанов запирался в туалете. Хоть он и плохо понимал слово «нет», зато хорошо соображал, что такое левой в печень, а правой в солнышко. Или двойное солнышко с левой — тоже пробивает на ура.

С Дафной у Мефа все было хорошо. Даже пугающе отлично. Правда, все эти полтора месяца, прошедшие после сплава по Сереже, он ощущал хрупкость и непрочность

их счастья. Ему казалось, счастье взято у кого-то взаймы и этот кто-то вот-вот подойдет и многозначительно кашляет, напоминая, что пора возвращать долг. Это чувство — хрупкости и непрочности — отравляло радость, но оно же делало ее светлой и пронзительной.

— Только бы тебя у меня не украли! — сказала позавчера Даф и сама, казалось, испугалась своих слов.

— Меня у тебя? — не понял Меф. — И как меня украдут? По башке, в мешок — и на органы?

Дафна посмотрела на него с укором. Буслаев обожал говорить шокирующие вещи. Точнее, пытался, потому что человек способен огорчить стража Света только своей глупостью и неискоренимым желанием навредить самому себе.

Не желая продолжать тему, Дафна наклонилась и подняла с асфальта красный кленовый лист:

— Заметил? Кленовый лист похож на человеческую ладонь. У него тоже пять пальцев и много жилок.

— Что, правда? — усомнился Меф.

Некоторое время он разглядывал кленовый лист, придирчиво сравнивая его с рукой Дафны, даже наложил лист на ладонь, после чего уверенно сказал:

— Твоя симпатичнее! Если бы вместо рук у тебя торчали листья — мне это нравилось бы значительно меньше. Опять же опадающие осенью руки — это как в фильме ужасов. Идешь — повсюду руки валяются. Брр!

Даф вздохнула. Надо смотреть на вещи трезво. Все-таки Меф не романтик. От романтика у него только длинные волосы и способность влипать в истории.

Буслаев вошел в гипермаркет и был сразу затоплен ярким светом, громкой музыкой, мелькавшими на мониторах картинками и деловитыми щелчками кассовых клавиатур. Полки уходили в бесконечность.

Это было настоящее царство Бессмертника Кощеева, который отморозил копчик, сидя на сундуках с золотом, и надумал наконец пустить денежки в дело. Здесь можно было купить все, за исключением, наверное, самолета. Но если очень постараться, то можно было купить и самолет.

Меф прошел через воротца и стал срезать, спеша миновать секции продуктов и поскорее оказаться в отделе сумок и рюкзаков. Странная закономерность: когда вещей вокруг слишком много, глаза не разбегаются, а, напротив, собираются в кучку и ничего не желают замечать.

Мельком Меф прикинул, хотел бы он, чтобы все эти вещи стали его собственностью, и понял, что скорее нет, чем да. Пиковое счастье — это поздний вечер накануне дня рождения, когда засыпаешь, зная, что утром будут подарки, но еще не получил их.

Если человеку дать все, о чем он мечтает — сразу, внезапно, ни за что, — то он наверняка зароет это и предпочтет мечтать заново. Сбывшиеся мечты — это тупик, вроде глухой стены в дальней части магазина. Обратное идти — скучно, вперед идти — некуда.

Проходя через отдел курток, Мефодий увидел знакомую фигуру. Знакома она была уже тем, что со спины напоминала грушу: мягкая в плечах, к тазу она плавно расширялась. Время от времени обладатель мягкой спины останавливался и, глядя в сторону, будто случайно касался то одной, то другой куртки.

Убедившись, что к знакомой спине и голова приставлена знакомая, Мефодий подкрался и хлопнул Ромасюсика по плечу.

Шоколадный юноша — а это действительно был он — по-девичьи вскрикнул, подпрыгнул от неожиданности,

что-то уронил и тотчас наступил на это ногой. Меф успел увидеть открытый нож-бабочку с лезвием не длиннее безымянного пальца.

— Фуй! Как ты меня напугал! Буслаев, чего ты вечно подкрадываешься, как кошка? — набросился Ромасюсик на Мефа.

— Зачем тебе нож?

— Да так, — сказал Ромасюсик, быстро наклоняясь и поднимая его.

Рассмотрев одну из курток, Меф обнаружил, что она прорезана насквозь, включая подкладку.

— Гадишь? — спросил Меф.

Ромасюсик застенчиво свел вместе ручки и показал пальчиками расстояние сантиметров в пять.

— Совсем чуточку! — произнес он тоном барышни, которая признается, что вчера без спросу взяла у бабушки вишенку.

— Зачем?

Ромасюсик сам не знал, почему он гадит. Видимо, сам вопрос «зачем?», заданный себе вовремя, уменьшает количество дурачества в десять раз.

Из отдела курток они попали в отдел сумок. Ромасюсик топтался рядом, лез с советами и уходить никуда не собирался. Меф не мог ничего выбрать и злился на себя, жалея, что подошел к нему. Пару раз у него возникала мысль, что встреча не случайна. В болтающихся без дела Ромасюсиков он не верил, даже если они и решили чуток погадать для души.

Наконец Меф выбрал сумку с большим количеством отделений и удобными карманами. Сумка была хороша всем, кроме цвета — огненно-рыжего. Меф же любил красный и синий.

— Как поживает Прасковья? — спросил Меф.

— О! О! О! — ответил Ромасюсик, вскидывая глазки к потолку.

Видимо, у него не было слов, как именно поживает Праша.

— Ясно, — сказал Меф.

— Ничего тебе не ясно! — заявил Ромасюсик и принялся жаловаться, как ему тяжело с Прасковьей.

Есть, мол, неэгоисты. Есть эгоисты ситуативные, которые хотя бы пытаются с собой бороться. Бывают эгоисты торгующиеся, любящие честный паритет (ты мне — я тебе). И, наконец, существуют эгоисты до такой степени, что вообще не понимают своего эгоизма. Они привыкли, что солнце светит для них, и реки текут для них, и ветер дует для них. Человек, зараженный таким вирусом, всегда считает, что все ему всем обязаны, он же не обязан никому и ничем. Лигул взрастил из Прасковьи именно такую эгоистку. И он, бедняга Ромасюсик, с ней мучается!

— А ты не эгоист? — спросил Меф.

Ромасюсик скромно потупился:

— Обижаешь! Я один сын у мамочки! Как я могу не быть эгоистом?

— Я тоже один сын у мамочки, — сказал Меф задумчиво.

Услышав об этом, Ромасюсик полез обниматься и пожимать ему руку. Затем вдруг склонил головку набок, сделавшись похожим на толстую птичку:

— Ей что-нибудь передать?

— Праше?

— Да!

— Передавай привет!

— И все? — спросил Ромасюсик разочарованно.

— Все!

— Ну хотя бы большой привет?

Меф мысленно застонал. Он безошибочно ощутил, что большой привет Ромасюсик раздует до размера гигантского.

— Передавай средний привет! — сказал он.

— А большой, значит, не передавать?

— Большой будет на Новый год.

Ромасюсик заинтересовался. Для опытного сплетника это была ценная деталь. Мощное оружие.

— Значит, сказать Праше, что ты спрашиваешься к ней на Новый год? Так, да?

— Слушай, сгинь, а?! — вспыхнул Меф.

Шоколадный юноша даже не попытался оскорбиться. Обижалка включалась у него только тогда, когда это было ему выгодно. Да и плюнуть в душу ему было невозможно по причине отсутствия объекта приложения слюны.

— А сам еще здороваться подошел, бяка ты такая! Ну прощевай тогда! Погоуил я: Праша вэйтить не лайкит!

Перед тем как попрощаться с Мефом, Ромасюсик долго обнимал его как старого друга. Меф вынужден был даже хлопнуть его ладонью по почкам, чтобы нежность ходячей шоколадки немного ослабела.

Избавившись от Ромасюсика, Буслаев отправился выбирать подарок матери. В конце концов он остановился на плетеной корзине, которая сочетала два хороших качества — дешевизну и величину. Меф стал пробираться к кассам. Он проходил продуктовые ряды, когда в спину ему уткнулось нечто твердое. Как обнаружилось позднее — палец.

— СТОЯТЬ!

От неожиданности Мефодий сделал резкое движение и рукой задел штабель кабачковой икры. Прежде чем консервные банки обрушились, Меф успел скакнуть вперед.

— Ты все такой же ниндзя, Буслаев! — прокомментировали сзади.

Меф обернулся. Перед ним стоял огромный банан и насмешливо глазел на него через сетчатую дырку.

— Рекламная акция! Купите три килограмма любых фруктов — и на кассе вас бесплатно шарahnут по башке! — сообщил он.

Голос был знакомый — но вот чей? Толстый слой поролона все искажал.

— Ты кто? — спросил Меф.

— Че, не видно? Мандарин я! — представился банан.

Он оглянулся, насколько это вообще было возможно, и, схватив Мефа за рукав, куда-то его поволок. Довольно долго они петляли по узким заставленным проходам и наконец, обогнув бастион из коробок с кукурузными хлопьями, оказались в дачном отделе.

Это был остров посреди океана, окруженный живыми цветами в кадках. Плетеные кресла-качалки призывно поскрипывали. Надутые резиновые матрасы, лежащие на желтом стилизованном песочке, нашептывали несбыточную мечту о пляже. По матрасам ползали бумажные крабы с проволочными лапами. Под мангалами на мешках с углем был старательно разложен нарисованный огонь, на котором жарились поролоновые сосиски.

Без церемоний растолкав пестрый выводок раскладных стульев и пластиковых столов с зонтами, банан с размаху рухнул в полосатый гамак и задрал ноги.

— Классное место! Хоть целый день валяться можно: ни одной камерой не просматривается! Лопухнулись товарищи из охраны! — со знанием дела сказал банан.

Его верхняя половина сломалась, и выглянула распаренная физиономия Чимоданова. По нему не читалось особого разочарования, что он лишился магии. Главным и огром-

ным плюсом Чимоданова всегда было воспринимать вещи как данность. Закинь собаку на Северный полюс — она встряхнется, осмотрится и бойко побежит искать, где согреться, а человек будет ныть, стонать и размышлять, за что ему, умному и хорошему, такое наказание.

— Привет! — сказал Меф, протягивая руку.

В ответ ему неохотно сунули ватную трехпалую ладонь, имевшую размер боксерской перчатки.

— Уже, — буркнул Петруччо.

— Что «уже»?

— Здоровались.

— Разве? Когда?

— Ну когда-нить. Че повторяться-то? Один раз скажешь «здрасьте», а другие встречи уже прицепом. Если не прощаться, то и сойдет! А то башка пухнет помнись, кого сегодня видел, а кого нет.

Меф улыбнулся. Чимоданов был, как всегда, в своем репертуаре.

— Тебе не жарко? — сочувственно спросил Меф, наблюдая, как Петруччо, отдуваясь, вытирает пот со лба.

— Вихровой все равно хуже. Она в купальнике торчит в молочке. Изображает тропическое лето! А знаешь, что такое молочка? Два ряда открытых холодильников и жуткий дубняк! Вчера их там трое было, сегодня две другие заболели! — злорадно поведал банан.

У дурака, как известно, две радости: первая — когда самому хорошо, вторая — когда другому плохо.

— А Мошкин тоже тут? — спросил Меф.

— Ага, ща! Будет он! Мошкин теперь на полиграф полиграфыча учится, — сказал Петруччо, пожалуй, даже с теплотой. — А ты поступил?

— На биофак. Пока на вечернее, а там, сказали, видно будет.